

А.С. Дягилев **МОСКВА И БОЛЬШАЯ ОРДА В 60-е – 70-е гг. XV ВЕКА**

После окончания в Московском великом княжестве длительной (1425–1453) междоусобицы (т.н. “феодальной войны”) правительству Василия Темного всего лишь за несколько лет удалось не только восстановить, но и значительно укрепить позиции великокняжеской власти в Северо-Восточной Руси. Династический и военный союз с Тверью (1446, 1452), регентство над великим княжеством Рязанским (1456), поход на Новгород Великий (1456) – позволили Василию Темному (и его сыну-соправителю Ивану) достичь влияния, во многом равного тому, каким пользовался в русских землях в конце жизни литовский великий князь Витовт. С покорением Вятской земли (1458–1459) и подчинением Пскова (1460) Москва по существу создает прообраз единого Русского государства.

Однако столь быстрые успехи в объединительном процессе были для Москвы обусловлены, по крайней мере, двумя благоприятствующими политическими факторами:

а) нейтралитетом Литвы, с 1448–1449 гг. фактически находившейся в оборонительном союзе с Московским княжеством ввиду агрессивных действий Орды Саид-Ахмада[1];

б) нейтралитетом и прямой поддержкой хана Махмудека Казанского, очевидно являвшегося сюзереном московских князей[2].

К концу 50-х гг. XV века сложилась ситуация, нарушившая установившийся десятилетием ранее баланс сил и выявившая значительные противоречия между Литвой и Москвой с одной стороны, и Москвой и Казанью – с другой. После ряда чувствительных ударов прекратила свое существование Орда Саид-Ахмада. Тем самым исчез основной связующий фактор московско-литовского союза, и на передний план в отношениях Литвы и Москвы вновь вышла проблема Великого Новгорода и прочих русских земель в составе обоих государств. Немногим позже Москва возьмет курс на постепенное, но неукоснительное достижение равноправия во взаимоотношениях с казанской династией (1461–1469)[3]. В такой момент у южных границ княжеств Северо-Восточной Руси и появляются силы Большой Орды.

Первостепенным и неоднозначным для отечественной науки вопросом истории Московского великого княжества и Большой Орды является проблема интерпретации их политических взаимоотношений в рассматриваемый период. По нашему мнению, до 1459 г. (когда в летописях в последний раз упомянуты “татарове Сиди Ахметевы”[4] и, по всей видимости, прекратило свое существование их государство) заволжские Джучиды, правители Большой Орды с центром в Сарае, не имели прямых путей для беспрепятственных сношений с князьями Северо-Восточной Руси. Следовательно, – реальных рычагов для военно-дипломатического давления на последних с целью поддержания вассальной зависимости и получения дани из русских княжеств. Тем не менее, в науке довольно широко представлено мнение, сформулированное В. Д. Назаровым, что Москва и зависимые от нее земли на протяжении 50-х гг. XV века регулярно выплачивали дань одновременно и в Казань, и в Большую Орду[5]. Мы не можем заподозрить Василия Темного в столь неоправданном альтруизме. В общедоступных источниках до сих пор не найдено каких-либо сведений о помощи сарайских ханов их “русским улусникам”, едва ли не ежегодно отражающих набеги войск Орды Саид-Ахмада. Скорее всего, ни даннических, ни формально-вассальных отношений московских великих князей (и их тверского и рязанского союзников) с правителями заволжской Орды в указанное время не существовало. В свете вышеизложенного становится очевидным неслучайное начало походов большеордынских ханов именно с 1460 г. – непосредственно после окончательного развала Орды Саид-Ахмада, открывшего прямые пути к русским границам.

Первой жертвой стало Рязанское княжество. Однако войска Махмуда б. Кичи-Мухаммада постигла неудача: после 6-дневной осады Переяславля-Рязанского они понесли чувствительные потери и “со срамом отступе... и отйде в Поле”[6]. Столь плачевный результат похода *самого* хана Большой Орды, причем “со всей силою”, позволяет сделать вывод, что и после 1460 г. у русских князей не было достаточно веских оснований уступить притязаниям сарайских Джучидов в их стремлении навязать Руси свой сюзеренитет. Факт переезда в Москву на Крутицкое подворье сарайского епископа в том же, 1460 г.[7], возможно является подтверждением нашего тезиса. В то же время это событие (если оно не было лишь следствием гонений на христиан в означенное время – как месть за провал похода на Рязанское княжество) само по себе может свидетельствовать о, по крайней мере, неофициальных московско-ордынских контактах. Стремление к добрососедским и равноправным отношениям с Большой Ордой будет важным ориентиром официальной дипломатии Москвы в 70-е гг. XV века[8]. Всего в рассматриваемый период (1460–1480) произошло несколько известных по летописям набегов на Русь войск Большой Орды: упомянутый выше 1460 г.; 1465,

1467/68, 1468, 1472 и 1480 гг. Большинство из них лично предводительствовали ханы: двумя первыми – Махмуд, двумя последними – его брат Ахмад. Ни один из походов не увенчался значительными военными успехами. Напротив, ватага вятских ушкуйников заняла и разграбила в 1471 г. ордынскую столицу (“город царев”) – Сарай[9]. Никаноровская летопись под тем же 1471 г. называет Ивана III не просто “князем великим Владимирским и Новгородским”, но и “всея Руси самодержцем”[10]. Это безусловный признак суверенитета московского правителя, в недалеком будущем принявшего титул *государя всея Руси*.

Встает естественный вопрос: а как же преобладающая в историографии датировка падения ордынского ига 1480 годом? Камнем преткновения в исторической науке является проблема окончания платежа дани Джучидам – как верховным сюзеренам русских князей. Источники не дают прямого ответа на данный вопрос, что исследователи объясняют “умышленным умолчанием”[11]. Датирующие признаки столь важного для политической истории России события ученые усматривают, как правило, в широко известном (для научной дискуссии) отрывке Вологодско-Пермской летописи. В описании знаменитого “стояния на Угре” 1480 г. здесь приводятся уникальные сведения о содержании переговоров Ахмада и Ивана III. К интересующему нас вопросу относятся следующие слова хана: “пришел яз Ивана деля, а за его неправду, что ко мне не идет, а мне челом не бьет, а выхода мне не дает девятой год”[12]. Казалось бы, вывод очевиден: дань в Большую Орду перестали отправлять за 8 (или немногим более) лет до 1480 г., т.е. с начала 70-х гг. XV века. Подобная трактовка текста до сих пор не вызывала сомнений в науке, где в основном дискутируется вопрос о возможности принять или отвергнуть сведения Вологодско-Пермской летописи в виду их уникальности и проблемы подтверждения другими источниками. Участвующие в дискуссии ученые, в зависимости от признания вышеназванного фрагмента соответствующим или противоречащим реальной политической ситуации 60-х – 70-х гг. XV века, предпочитают датировать прекращение платежа дани 1471/72 гг. или же, напротив, пытаются самостоятельно обозначить время этого события. В историографических статьях по данной проблеме нами были выделены основные точки зрения специалистов: общий диапазон датировок находится в периоде с 1452 по 1487 гг., в большинстве своем падает на 70-е гг. XV века (1471/72 – 1475/76 – 1478/79)[13].

В своей работе по реконструкции московско-большеордынских взаимоотношений мы также не могли пройти мимо вопросов об их “экономической” составляющей (уплата “выхода”) и интерпретации сведений Вологодско-Пермской летописи. В результате сопоставления информации из различных источников, мы пришли к выводу, что на всем протяжении рассматриваемого периода (исключение может составить небольшой отрезок времени (начало 60-х гг. XV века), когда еще при жизни Василия Темного признавался сюзеренитет казанского хана (которому, надо полагать, и был выплачен “черный бор” с Великого Новгорода в 1461 г.)) правительство Ивана III придерживалось политики отклонения сюзеренных прав татарских ханов постзолотоордынских государств, в том числе притязаний правителей Большой Орды. И, соответственно, не брало на себя даннических обязательств перед ними. В сообщении Вологодско-Пермской летописи мы видим действительно имевшие место в 1480 г. упреки хана Ахмада б. Кичи-Мухаммада, свидетельствующие, однако, не о прекращении платежа “выхода” его московским “улусником”, а об официально выдвигавшихся с начала 70-х гг. XV века (как раз к этому времени – 1471/72 гг. – относится первое летописное упоминание о дипломатических московско-большеордынских контактах[14]) требованиях вассального подчинения, что и подразумевало личный приезд Ивана III и уплату им дани. То, что подобные претензии были неоднократны, хорошо прослеживается по русским летописям (бегство в 1475 г. из Орды великокняжеского посла Дм. Лазарева; приезд в Москву в июле 1476 г. татарского посла Бочюки “звать ко царю” Ивана III[15]). О тех же притязаниях говорит и знаменитый “Ярлык Ахмета-царя”, где нет ни слова о существовавшем вассалитете московского князя и право на сюзеренитет связывается с *золотоордынской традицией* (“А вам ся есмя государи учинили от Саина царя сабелным концем.”)[16].

“Казанская история”, положившая, по сути, начало историографической традиции связывать падение на Руси ордынского ига с событиями вокруг “Стояния на Угре” в 1480 г., на деле свидетельствует в пользу того, что даннических взаимоотношений Ивана III и Ахмада не было. Автор памятника не приводит реальных фактов выражения “власти” Орды над Русью (в современном понимании наукой зависимости одного государства от другого), хотя утверждает о ее существовании “от бытыва времени по царство тоя Златяя Орды царя Ахмата”[17]. Согласно “Казанской истории”, Иван III “до конца отложи дани и оброки давати, ни сам во Орду приходити ... поставления ради на великое княжение”. Предшествующий “Стоянию на Угре” конфликт с Ахмадом описывается с момента восшествия последнего на престол (“восприим царство Златяя Орды по отце своем”) и отправки им послов в Москву “по старому обычаю отец своих”, чтобы “просити дани и оброков на прошлая лета”. После чего следует известный рассказ о “потоптании” басмы Иваном III и убийстве “дерзостно” пришедших к нему ордынских послов, “гневе” Ахмада и военных действиях на Угре осенью 1480 г. При этом Иван Васильевич именуется “мнимым рабом” Ахмада, а освобождение Русской земли от “ярма и покорения бусурманского” связывается непосредственно со

смертью ордынских “царей”[18]. Т.о. не различаются действительно функционирующая система зависимости и притязания на ее создание. Очевидно, что автор “Казанской истории” под “властью и царством” Орды понимает силу *традиции*, со времен Батыя “навечно” давшей ханам сюзеренные права над русскими князьями и которая могла быть прервана лишь при условии физического уничтожения “царей” и главного государства (т. н. “престольной державы”) Джучидов. Показательно, что один из первых российских историков (создатель “Скифской истории” (1692)) Андрей Лызлов в своем труде демонстрирует аналогичный взгляд на проблему падения ига: “Пребысть же сей наказателный бич... от лета... 6745 [1237]... до исчезновения сего последняго нечестиваго Ахмата, лет 269” (подразумевается смерть в литовском плену последнего хана Большой Орды Шейх-Ахмада в 1506 г.)[19].

1. Флоря Б. Н. Орда и государства Вост. Европы в сер. XV в. (1430–1460)//Славяне и их соседи: Славяне и кочевой мир. М.: Наука, 2001. Вып. 10. С.187-188, 195-196. Прим. 99; Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Вост. Европы XIV-XVI вв. М.,1963. С. 139-140.
2. Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства: Втор. пол. XV в. М., 1952. С. 55-58; Дягилев А. С. Расстановка политических сил в Западном Дешт-и-Кыпчаке в их взаимосвязи с Северо-Восточной Русью в 30-е – 60-е гг. XV в.//Труды научной конференции студентов и аспирантов “Ломоносов-2001”: История / МГУ им М. В. Ломоносова. М., 2001. С.14-15; Его же. Начальный этап московско-казанских государственных взаимоотношений в изложении “Казанского летописца”//Мат-лы XL Международной научной студ. конф. “Студент и научно-технический прогресс”: История / НГУ. Новосибирск, 2002. С. 80.
3. Базилевич К. В. Указ. соч. С. 59; Дягилев А. С. Русско-казанские отношения XV в.: К вопросу о свержении ордынского ига на Руси//Орел VI легиона: Тезисы докладов студ. научно-практ. конф. / УрГУ. Екатеринбург, 2000. С. 8-9.
4. ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 217; М.; Л., 1962. Т. 27. С. 120-121.
5. Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983. С. 24–25; Его же. Становление Российского централизованного государства//История России с древнейших времен до кон. XVII в. М., 1999. С. 312-313. Ср.: Горский А. А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. С. 153-154.
6. ПСРЛ. Т. 26. С. 219; Т. 27. С. 122.
7. Греков И. Б. Очерки... С. 150. Примеч. 16.
8. Базилевич К. В. Указ. соч. С. 104, 106; Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 186. Примеч. 125; Горский А. А. Указ. соч. С. 161-164.
9. ПСРЛ. Пгр., 1921. Т. 24. С. 191; Т. 26. С. 241-242; Т. 27. С. 135.
10. Там же. Т. 27. С. 135. Ср.: М.; Л., 1949. Т. 25. С. 291, 312.
11. Базилевич К. В. Указ. Соч. С. 119. Ср.: Алексеев Ю. Г. Указ. соч. С. 77; Назаров В. Д. Становление Российского... С. 316 (применительно к 1462 г.).
12. ПСРЛ. Т. 26. С. 265.
13. Дягилев А. С. Прекращение даннических отношений русских князей с Джучидами в освещении отечественной историографии//Платоновские чтения: Сб. научных трудов VIII Всероссийских Платоновских чтений / СамГУ. Самара, 2003. С. 163-166.
14. Сокр. свод 1493 г.//ПСРЛ. Т. 27. С. 279.
15. Там же. Т. 25. С. 304, 308-309; Т. 26. С. 255.
16. Цит. по: Горский А. А. Указ. соч.: Приложение II. №2. С. 198.
17. Казанская история. М.; Л., 1954. С. 45.
18. Там же. С. 55-57.
19. Лызлов А. И. Скифская история. М.: Наука, 1990. С. 46-47.

Выходные данные работы:

Дягилев А.С. Москва и Большая Орда в 60-е – 70-е гг. XV в. // Россия: история и современность: Тезисы VI межвузовской конференции студентов и молодых ученых / СургПИ. Сургут, 2004. С. 41-46.

[Примечание: опубликованный в указанном сборнике текст несколько сокращен по сравнению с оригинальным, – приведенным здесь, в интернет-публикации – главным образом, в части послетекстовых примечаний, которые были нашими уважаемыми сургутскими коллегами–редакторами (соответственно собственным требованиям, которые, к сожалению, не были мною учтены) изменены и получили вид библиографии с постраничными ссылками непосредственно в тексте. Поэтому “выпали” некоторые, вероятно, слишком “длинные” ссылки из примечаний, с обилием приведенных авторов, из которых оставлены лишь по 1-2. Здесь мы приводим полный текст примечаний со всеми ссылками].